

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Устрялов Н.В.¹

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА (часть 2)

Государство существует. Государство — «великий факт» (О.Майер). И, прежде всего, подлежит оно изучению именно как сущее. В определение государства издавна принято вводить мотивы долженствования, т. е. определять государство не столько как оно есть[,] сколько, как оно должно быть с точки зрения ученого исследователя. Это — вряд ли плодотворный путь, и недаром он так раздражал и раздражает многих социологов, начиная с маститого Гумпловича². Никому не возбраняется излагать собственные взгляды на цели и задачи государства, неоспоримо ценны серьезные попытки установить его объективный исторический смысл, но начинать всегда целесообразней с уяснения его фактической природы, его реальных признаков.

Социологическая сторона государственного явления разрабатывается социальной наукой. Пристально следит она за сложными, бесконечно разнообразными движениями общественных групп, рас, классов, соединений, за восхождением и нисхождением культур, за огромными социальными процессами, составляющими, по выражению одного социолога, «остов мировой истории».

Гумплович (*„Allgemeines Staatsrecht“*³: 1907, с. 23-38) усматривает предпосылку государства в политической и хозяйственной борьбе человеческих групп. Для него, как для древнего Гераклита⁴, раздор — отец и царь всех вещей: «борьба — форма социального становления». Сильнейшие, активнейшие племенные группы, победив в ней, приступают к эксплуатации побежденных, для чего и организуется государственный аппарат и в результате чего возникает то, что мы называем культурой: углубление и уточнение жизненных содержаний высших классов на почве разделения труда. Но социальная борьба не прекращается и в государстве, хотя и происходит сплошь да рядом известное выравнивание социальных различий, известное смягчение социальных противоречий: такова естественная функция государства.

Одна человеческая группа побеждает другую в борьбе за существование: дарвинизм применим не только к миру

природы, но и к обществу людей. Победители господствуют над побежденными. Зачем? — Дабы извлечь для себя выгоду их экономической эксплуатацией. Отсюда классовая дифференциация: властвующие и подвластные, угнетатели и угнетенные. Современная социология уделяет большое внимание исторической роли экономического фактора. Как известно, марксистская социологическая школа доказывает, что именно экономика лежит в основе общественного авторитета, правовой нормы, государственной власти: «всякая политическая сила, — писал Энгельс⁵, — основывается первоначально на экономической общественной функции» («*Анти-Дюринг*⁶»). Современный марксизм воздвигает целую систему своего учения о государстве, связанную с этой исходной историко-материалистической предпосылкой. Было бы ошибочно отрицать незаурядную ценность целого ряда конкретных марксистских исследований в области социологии государственного бытия. Исторический материализм есть по преимуществу метод, и критическое использование его дает хорошие результаты при анализе общественных явлений. Недооценка роли экономического фактора в истории и жизни государства, равно, как и в развитии властных отношений вообще, ныне, можно сказать, прямо непростительна. Во всяком случае не менее непростительна, нежели недооценка фактора биологического. И приходится констатировать, что с течением времени значение экономических моментов в жизни государства имеет заметную тенденцию возрастать⁷.

Более спорно марксистское определение государства, как «машин систематического насилия одного класса над другим». Уже Коммунистический Манифест 1848 года⁸ провозгласил, что «политическая власть в собственном смысле слова есть организованная власть одного класса в целях угнетения другого класса». В этом определении критика неоднократно вскрывала наличность некоей своеобразной упрощенной схематизации. Функцией угнетения, состоянием социального паразитизма не определяется и во всяком случае не исчерпывается роль правящего

¹ Редакция журнала продолжает знакомить своих читателей с лекциями русского государствоведа проф. **Николая Васильевича Устрялова**. Вниманию читателей представляется конспект первой лекции по курсу государственного права, читаемому на Харбинском юридическом факультете. Впервые статья была опубликована в Вестнике китайского права (Выпуск 1 Харбин, 1931, стр. 11–23) Подготовка к републикации **О.А.Воробьева** — консультанта Аппарата комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками.

² Гумплович Людвиг (1838–1909), польский и австрийский социолог и правовед, представитель социального дарвинизма. Профессор университета в Граце. Считал, что государство возникает из борьбы за господство этнических групп (рас); ввел понятие «этноцентризм» (См. «Расовая борьба», 1883).

³ «Allgemeines Staatsrecht» — «Всеобщее государственное право» (нем.).

⁴ Гераклит Эфесский (ок. 554 до н. э. — 483 до н. э.), знаменитый греческий философ, один из крупнейших представителей ионийской школы философии.

⁵ Энгельс Фридрих (1820–1895), мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма.

⁶ Дюринг Евгений (1833–1921), немецкий философ; занимался политэкономией и правом. Считал насилие важнейшим фактором истории. Выступал против марксизма. Идеи Дюринга получили распространение в среде немецкой социал-демократии; они были подвергнуты резкой критике Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» (1878).

⁷ Это обстоятельство признается также авторами, по своим взглядам весьма чуждыми идеям экономического материализма. «Один из главных характерных признаков настоящей эпохи, — пишет, например, Г. Лебон, — состоит именно в изменении причин, определяющих развитие народов. Между тем как в течение веков преобладающее влияние оказывали религиозные и политические факторы, в настоящее время это влияние значительно ослабело. Факторы экономические и промышленные, игравшие в течение долгого времени очень малую роль, ныне приобретают преобладающее значение. Цезарю, Людовику XIV, Наполеону или всякому другому западному монарху было совершенно безразлично, обладал Китай углем, или нет. Теперь же один только подобного рода факт не замедлил бы оказать самое глубокое влияние на ход европейской цивилизации» («Психология социализма», СПб., 1908, с. 122).

⁸ Программа «Союза коммунистов», написанная К.Марксом и Ф.Энгельсом.

государственного слоя. Вместе с тем в государстве проявляется не только классовая борьба, но и классовое сотрудничество, межклассовый мир. Сам Энгельс признавал, что «государство возникло из потребности сдерживать классовые противоречия». Возвращенному на почве социальной борьбы государству в его развитии временами удается эту борьбу, если не преодолеть вовсе, то трансформировать, значительно обезвредить, изменить ее формы, тем самым преобразяя и самое ее существо. Социальная солидарность есть такой же закон природы человеческой, как и социальная борьба. Трудно оспаривать тезисы марксизма о классовой структуре современного общества. Социология государства не вправе игнорировать различные классовые и групповые интересы, домогательства, стремления, отражающиеся на политике государственной власти. Эти интересы, домогательства, стремления нередко противостоят, противостоят друг другу. Бывает, что государственная власть силою вещей действительно превращается в боевую организацию классового господства. Но едва ли правомерны здесь безусловные обобщения. Не менее часто в собственных же классово-эгоистических целях носители их изыскивают мирные компромиссы, взаимными уступками добиваются относительного исторического равновесия, создают условия возможности развития, чуждого болезненных потрясений. Пусть государственная власть в своем личном составе окрашена в классовые цвета, — сама логика общежития заставляет ее заботиться и об «общем интересе». Этот «общий интерес» или междуклассовое равновесие подчас влияет, давит и на личный состав власти, становящийся в таких случаях «смешанным». Дальносторкий классовый эгоизм, — неизбежно альтруистичен: извечная диалектика эгоизма и альтруизма! Характерно для государства, что, заинтересованное миром и порядком, оно стремится сглаживать, смягчать классовые противоречия и представить собою их приблизительную равнодействующую. Вспомним хотя бы историю Англии: сколько рядом с бурными революционными вспышками мастерских социально-политических компромиссов! И какое сознание национального единства, общности национальных интересов! Государство — усложненная система политических рычагов и предохранительных клапанов, имеющая целью предотвращать классовые конфликты или по крайней мере смягчать их болезненность. Правда, подчас говорят, что «классовая борьба может иногда проявляться и в формах междуклассового мира, союза, сотрудничества». Но тогда, очевидно, вся специальная острота соответствующей теории уже исчезает в псевдо-диалектическом тумане.

Не исключена возможность, что логика экономического развития приведет в будущем к полному упразднению классовой борьбы и самих классов в современном смысле понятия. Марксизм утверждает, что тогда перестанет существовать и государство, уступающее место организованному обществу. Со своей точки зрения он прав: исчерпывающий признак государства он видит в классовом насилии, эксплуатации. Но если считать недостаточным это ограничительное определение, меняется и взгляд на будущность государства: оно сохраняется даже при исчезновении классовой борьбы. В известной степени контроверза становится терминологической: можно ли называть государством организованное общество проблематического будущего?...

Итак, государство есть явление многосложное, причем фокусом его, основоположным его началом представля-

ется власть. Что касается права, то оно входит в него одним из важнейших составных элементов. Государство может быть более или менее правовым, смотря по тому, насколько государственная власть проникается в своей деятельности началами права. Следует признать, что по мере исторического развития государств в пределах данной цивилизации, они имели тенденцию «юридизироваться». Правовые моменты проявлялись в них все ярче и выпуклее. Власть получает точную, специально формулируемую и неуклонно осуществляемую организацию. Заранее намечаются как формы ее осуществления, так и круг ее полномочий. Государство живет на основании постоянных правил, законов, издаваемых и отменяемых в установленном порядке. Все государственные установления подчиняются законам, и даже верховная власть идеально связывается ими: она вправе их отменить или видоизменить, но не должна их нарушать¹. Властители становятся слугами собственной власти. Властвование приобретает все более и более правовой характер, подчиняется режиму законности. Если на заре государственной жизни торжествовало убеждение, что правитель независим от законов (*princeps legibus solutus est*), то с течением времени это убеждение должно было уступить место другому, противоположному: правитель, правительство — высший страж, первый служитель права.

Нормальное правосознание особенно чутко относится к правонарушениям, исходящим от власти, призванной творить и блюсти право. «Никакая несправедливость, — писал Иеринг, — какую приходится терпеть человеку, как бы тяжела она ни была, не может сравниться с тою, какую совершает власть, когда она сама нарушает право. Убийство правосудия (*Justizmord*) является подлинно смертным грехом против права. Хранитель и страж закона превращается в его убийцу: это врач, отравляющий больного, опекун, удушающий опекаемого» («Борьба за право»).

Государство состоит из людей и существует для людей. Как бы ни была построена власть, ее задача, — служить благу целого, на пользу и процветание населения. Современное правосознание требует от государства признания за населением, за каждым человеком, живущим в государстве, известных прав. Народ должен быть не только предметом властвования, но и субъектом права. Будучи обязан подчиняться велениям власти, он в то же время является целью этих велений. Не господство и подчинение, как таковые, а совместное действие в определенном направлении — такова идея современного государства. Властвующие имеют власть не ради своих выгод, а ради блага государства. Власть есть не личное преимущество, а общественное служение, иногда тяжелая повинность. Злоупотребление властью извращает самый ее смысл, исходя из чего французская революционная «Декларация прав» (1793 г.) даже содержала в себе следующее постановление: «Если правительство насильственно нарушает права народа, восстание становится священнейшим из прав и необходимейшей из обязанностей». Любопытно отметить, что аналогичную мысль мы находим еще в средние века у знаменитого отца церкви Фомы Аквинского², — «Тираническое правительство несправедливо, — говорит он, — ибо оно стремится не к общему благу, а к частному благу того, кто правит... и поэтому восстание, поднимаемое против такого правительства, не имеет мятежного характера»...

¹ Конечно, эта связанность верховной власти сама по себе неизбежно имеет в конечном счете метаюридический характер. «Право бессильно установить пункт, который не должен переходить суверенную власть. Для нее могут существовать моральные, исторические, политические, социальные границы, но она не имеет юридических границ» (Дюги).

² Фома Аквинский (1225 или 1226—1274), философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианского аристотелизма.